

Павел Успенский (Тарту)

**Заметка о стихотворении А.Е. Крученых
«ЗАБЫЛ ПОВЕСИТЬСЯ...»
(к теме футуристы и Ф.М. Достоевский)**

В 1913 г. А. Е. Крученых написал известное стихотворение:

ЗАБЫЛ ПОВЕСИТЬСЯ
ЛЕЧУ К АМЕРИКАМ
НА КОРАБЛЕ ПОЛЕЗ ЛИКТО
ХОТЬ БЫЛ ПРЕД НОСОМ
[Крученых 2001: 58].

Известны эти стихи как образец непонятого, если не сказать абсурдного, поэтического высказывания, рассчитанного, прежде всего, на провокацию эстетической системы читателя/слушателя.

Бывший соратник Крученых Б. К. Лившиц, вспоминая о московском Первом вечере речетворцев (13 октября 1913 г.), писал, отчасти солидаризируясь с точкой зрения аудитории:

Только звание безумца, которое из метафоры постепенно превратилось в постоянную графу будетлянского паспорта, могло позволить Крученых, без риска быть искрошенным на мелкие части, в тот же вечер выплеснуть в первый ряд стакан горячего чая, пропищав, что «наши хвосты расцвечены в желтое» и что он, в противоположность «неузнанным розовым мертвецам, летит к Америкам, так как забыл повеситься». Публика уже не разбирала, где кончается заумь и начинается безумие [Лившиц 1989: 435].

Смысл четверостишия, во всяком случае, его второй строки, уточняется благодаря обращению к литературной традиции. Хотя кубофутуристы отказывались от традиции на уровне литературных манифестов, ряд текстов Крученых на нее ориентируется [см.: Крученых 2001: 46—54; Богомолов 2012]. Взять хотя бы хронологически чуть более позднее свидетельство о выступлении Крученых на «Вечере нового искусства» в Киеве в начале 1914 г.:

Г-н Крученых заявил, например, что у каждого может быть свое правописание: можно писать «белый дом», а можно и «белая дом» — кто как желает. Как оказывается, Достоевский был в этом направлении новатором и первым футуристом <...> Другие «баячи» <...> Пушкин и Гоголь, тоже были, как обнаружилось, футуристами [Киевлянин. 1914. № 56. 23 февраля. С. 3. Цит. по: Крусанов 2010/2: 452].

Утверждение «ЛЕЧУ К АМЕРИКАМ» находит соответствие в классическом романе Ф. М. Достоевского. В «Преступлении и наказании» Свидригайлов незадолго до своего самоубийства произносит следующую фразу:

Я, Софья Семеновна, может, в Америку уеду <...> и так как мы видимся с вами, вероятно, в последний раз, то я пришел кой-какие распоряжения сделать [Достоевский 1989: 473].

Непосредственно перед самоубийством между Свидригайловым и человеком в солдатском пальто разыгрывается такая сцена:

- Я, брат, еду в чужие края.
- В чужие края?
- В Америку.
- В Америку?

Свидригайлов вынул револьвер и взвел курок. Ахиллес приподнял брови.

- А-зе, сто-зе, эти сутки (шутки) здесь не места!
- Да почему же бы и не место?
- А потому-зе, сто не места.

— Ну, брат, это все равно. Место хорошее; коли тебя станут спрашивать, так и отвечай, что поехал, дескать, в Америку.

Он приставил револьвер к своему правому виску.

— А-зе здесь нельзя, здесь не места! — востроенул Ахиллес, расширяя все больше и больше зрачки.

Свидригайлов спустил курок [Достоевский 1989: 484—485].

Фраза «...коли тебя станут спрашивать, так и отвечай, что поехал, дескать, в Америку» вошла в цитатный фонд [см.: Душенко 2005: 155]. Ее лексические опорные точки — глагол и название места. Поехать в Америку для Свидригайлова — покончить разом все счета, ускользнуть из бытия в небытие [см. под-

робнее: Сараскина 2008]. В романе у выражения возникает окказиональное значение, которое потом в своем опусе использует Крученых. Обратим внимание, что, хотя в приведенном эпизоде Америка в единственном числе, она соседствует с лексемой край, которая могла мотивировать множественное число Америкам в рассматриваемом четверостишии. Одновременно, впрочем, множественное число может быть мотивировано фразеологизмом «лететь к чертям», которое можно рассматривать как языковой претекст этой строки («Америки» и «черти» оказываются изоморфными эвфемизмами). Выражение позволяет также объяснить появление именно глагола «лететь»¹.

С учетом контекста приведенного эпизода из романа Достоевского² начало стихотворения Крученых оказывается не таким уж бессмысленным: первая строка мотивирует вторую, в которой также говорится о самоубийстве, но другим способом (идее повеситься противопоставляется идея застрелиться).

Америка(и) как географическое образование, до которого можно добраться, мотивирует *корабль* в третьей строке несмотря на глагол *лететь*. Хотя в 1913 г. обсуждалась идея трансатлантического перелета, в реальности он состоялся несколько лет спустя, и до тех пор в Америку добирались еще с помощью кораблей. Но думается, что переносный смысл глагола в четверостишии доминирует³.

¹ Выражаем признательность Л. Новицкас за это наблюдение.

² Наблюдение о связи четверостишия Крученых с «Преступлением и наказанием» было также сделано Е. П. Беренштейном, однако его изложение кажется импрессионистичным и неполным: «...суицид дает, в лучшем случае, только одну “АМЕРИКУ”. Здесь сам Бог велел вспомнить хрестоматийного Свидригайлова, написавшего роман Достоевского “Преступление и наказание”. Как все мы помним из школьной программы, Свидригайлов не вешался, а совсем наоборот, стрелялся, и “Америка” для него являлась метонимией все того же горизонтального порядка (вроде как в ад не очень хотелось, в рай грехи не пускают, а здесь оставаться нельзя: совесть, понимаешь ли...). Чтобы договорить о Свидригайлове, вспомним, что <...> перед самоубийством говорит “Ахиллесу” (я не комментирую — не о Достоевском, в конце концов, речь), что “едет в чужие край” — “в Америку” [Беренштейн 2003: 72].

³ Помимо соображений, приведенных выше, можно допустить, что Крученых здесь также использовал стершуюся метафору «полета» какого-либо средства передвижения. Возникает вопрос о разбивке текста на предложения. Вторую и третью строки можно читать двояко: «ЛЕЧУ К АМЕРИКАМ / НА КОРАБЛЕ. ПОЛЕЗЛИКТО» и «ЛЕЧУ К

Одновременно, если для дальнейшего прочтения использовать эпизод из романа Достоевского, корабль можно воспринимать как метафору посмертного пространства (ср. в мифологии лодку Харона). Загадочный же персонаж, находившийся «перед носом», — это, вероятно, свидетель самоубийства, и тут, по-видимому, мы вправе сопоставить этого персонажа со свидетелем самоубийства Свидригайлова. Соответственно, в стихах речь идет о том, что персонаж не повторяет самоубийства героя, хотя и находится в непосредственной близости.

Четверостишие Крученых, по сути, можно рассматривать как посмертный монолог Свидригайлова (отсюда с самого начала возникает тема самоубийства), выполненный в футуристической манере.

Конечно, такое прочтение гипотетично, и логическому анализу в этом тексте сопротивляется и его фрагментарность, и грамматическая сложность, и двойственность поэтического слова (типичная для кубофутуристов). Наше восприятие все равно не выходит за рамки сигнального уровня, когда мы реагируем на все высказывание целиком, а лишь на отдельные лексемы, и выстраиваем их таким образом, чтобы текст для нас обрел хоть какой-нибудь смысл. Несомненно также, что вне зависимости от наших наблюдений, в рассматриваемом четверостишии эстетическая провокация играет главную роль.

Интересно, что приведенный эпизод из романа Достоевского объясняет и одну строку в футуристических стихах Лившица.

В стихотворении «Некролог» (1913), посвященном, по всей вероятности, некоему умершему клоуну, есть такая строфа:

АМЕРИКАМ. / НА КОРАБЛЕ ПОЛЕЗЛИКТО». Из-за отсутствия знаков препинания допустимы оба варианта, но с нашей точки зрения, второй — более уместный: в нем границы предложений совпадают с концами строк (в строках третьей и четвертой — сложноподчиненное предложение, главная часть которого приходится на третью строку, а придаточная — на четвертую).

На счастье в лилии перед
Америкой тишины
Он замер и севером мерит
Отпущенник райской весны
[Лившиц 1989: 54].

Америка тишины — во-первых, в свете заглавия стихотворения, во-вторых, в свете эпизода «Преступления и наказания» — является метафорой смерти (и, возможно, самоубийства).

Впрочем, другой участник литературного процесса, В. В. Маяковский, не уловил (или сделал вид, что не уловил) возможные семантические обертоны футуристической Америки. Его небольшая статья 1914 г. «Теперь к Америкам!» [см.: Маяковский 1955: 311—312], заглавие которой восходит к тексту Крученых [см.: Лившиц 1989: 657; Крученых 2001: 417], посвящена актуализации языка, поэзии и самого феномена футуристов в современную военную эпоху. Америка в этом тексте означает новые достижения и свершения.

Итак, хотя Крученых с соратниками еще в вышедшей в декабре 1912 г. «Пощечине общественному вкусу» призывал, среди прочего, «бросить Пушкина, Достоевского, Толстого и проч. и проч. с Парохода Современности» [см.: Манифесты 2001: 130], эпизод из «Преступления и наказания» можно рассматривать как смысловую пружину небольшого футуристического стихотворения.

СОКРАЩЕНИЯ

Беренштейн 2003 — *Беренштейн Е. П.* Эстетика смерти Алексея Крученых // *Культура: семиотика, феноменология, телеология.* Тверь, 2003. С. 67—79.

Богомолов 2012 — *Богомолов Н. А.* А. Крученых. «Старинная любовь»: поиски контекста // *From Medieval Russian Culture to Modernism. Studies in Honor of Ronald Vroon / Ed. by Lazar Fleishman, Aleksandr Ospovat and Fedor Poljakov.* Frankfurt am Main. P. 249—263.

Достоевский 1989 — *Достоевский Ф. М.* Собрание сочинений: В 15 т. Л., 1989. Т. 5.

Душенко 2005 — *Душенко К. В.* Цитаты из русской литературы. Справочник: 5200 цитат от «Слова о полку...» до наших дней. М., 2005.

Крусанов 2010 — *Крусанов А. В.* Русский авангард, 1907—1932 (Исторический обзор): В 3 т. М., 2010. Т. 1: Боевое десятилетие. Кн. 1, 2.

Крученых 2001 — *Крученых А. Е.* Стихотворения, поэмы, романы, опера / Вступ. статья, сост., подгот. текста, примеч. С. Р. Красицкого. СПб., 2001.

Лившиц 1989 — *Лившиц Бенедикт.* Полутораглазый стрелец. Стихотворения. Переводы. Воспоминания / Сост. Е. К. Лившиц и П. М. Нерлера. Подгот. текста П. М. Нерлера и А. Е. Парниса. Примеч. П. М. Нерлера, А. Е. Парниса и Е. Ф. Ковтуна. Л., 1989.

Манифесты 2001 — Литературные манифесты. От символизма до «Октября» / Сост. Н. Л. Бродский и Н. П. Сидоров. М., 2001.

Маяковский 1955 — *Маяковский В. В.* Полное собрание сочинений: В 13 т. Т. 1: Стихотворения, трагедия, поэмы и статьи 1912—1917 годов / Подгот. текста и примеч. В. А. Катаняна. М., 1955.

Сараскина 2008 — *Сараскина Л. И.* Америка как миф и утопия в творчестве Достоевского // Достоевский и современность. Материалы XXII Международных Старорусских чтений 2007 г. Великий Новгород, 2008. С. 199—213.